

Научная статья
УДК 343.6
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-58-6

КАЗУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СУИЦИДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Артем Эрнестович Велиев,
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,
aeveliev@ya.ru

Аннотация

Введение: в статье развивается идея о том, что система антисуицидальных норм в Уголовном кодексе Российской Федерации не ограничивается статьями 110-110², а включает в себя и иные – казуальные – средства противодействия суицидальному поведению, влияющие на квалификацию деяний в случае совершения потерпевшим самоубийства. С учетом того, что соответствующие нормы ранее не подвергались самостоятельному анализу, цель статьи – ликвидация данного пробела в юридической доктрине.

Материалы и методы: при подготовке статьи применялись общенаучные и специально-юридические методы познания, в частности, формально-догматический, системный, логический. В ходе исследования использовались нормативные акты, акты судебного толкования, решения судов по конкретным делам, исследования правоведов, а также результаты анкетирования 594 практических работников в области уголовного права.

Результаты исследования: рассмотрены спорные вопросы, связанные с квалификацией преступлений, для которых суицид не выступает конструктивным признаком состава, однако влияет на их правовую оценку. По результатам исследования сформулированы рекомендации для правоприменителей.

Обсуждение и заключение: автор приходит к выводу, что казуальные средства противодействия суицидальному поведению имеют место как в Общей, так и в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Наиболее часто они принимают форму квалифицирующего признака наступления тяжких последствий. Несмотря на то, что такое понимание получило широкое распространение в практике, ряд связанных с ним спорных вопросов остаётся нерешенным и требует ответов на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: самоубийство; суицид; суицидальное поведение; тяжкие последствия преступления; казуальные антисуицидальные средства

© Велиев А.Э., 2024

Для цитирования: Велиев А.Э. Казуальные средства противодействия суицидальному поведению в российском уголовном законодательстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 4 (58). С. 46 – 54. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-58-6

Scientific article

UDC 343.6

DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-58-6

CASE-BY-CASE MEANS TO COUNTERACT SUICIDAL BEHAVIOUR
IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Artem Ernestovich Veliev,
Volograd State University, Volograd, Russia,
aeveliev@ya.ru

Abstract

Introduction: the author states that anti suicidal norms in the Criminal Code of the Russian Federation are not limited by Articles 110 – 110² but involve other – casual – means to prevent suicidal behavior that impact on the definition of the acts in the event of the committing suicide by the victim. Bearing in mind that these norms have not been analyzed, the purpose of the study is to fill the gap in the legal doctrine.

Materials and Methods: the author used general and juridical research methods, namely, dogmatic, system, and logical. During the study the author used legal acts, court acts, court decisions, studies of legal academics, as well as poll results (594 criminal law practitioners).

Results: during the course of the present research the author considers controversial issues related to the qualification of crimes for which suicide is not a constituent element, but, however, a factor that affects their juridical appraisal. Based on the results of the study, the author suggests some guidelines for legal practitioners.

Discussion and Conclusions: the author concludes that casual means of counteracting suicidal behaviour take place both in the General and in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Most often they take the form of a qualifying feature of the occurrence of grave consequences. Despite the fact that this understanding has become widespread in practice, a number of controversial issues related to it remain unresolved and require answers at the level of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: suicide; suicidal behaviour; criminal law; grave consequences of a crime; casual antisuicidal means; case-by-case means to counteract suicide

© Veliev A.E., 2024

For citation: Veliev A.E. Case-by-Case Means to Counteract Suicidal Behaviour In Russian Criminal Law. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(4):46-54. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-58-6

Введение

Среди уголовно-правовых средств противодействия суицидальному поведению, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ), наиболее пристальное внимание исследователей данной проблематики привлекают составы преступлений, предусмотренные статьями 110-110². Между тем анализ действующей системы уголовно-правового регулирования позволяет сделать вывод о том, что указанными статьями антисуицидальный потенциал УК РФ не ограничивается.

Значительное число статей Особенной части УК РФ не упоминают суицидальный акт в качестве обязательного конструктивного элемента состава; тем не менее при определённых обстоятельствах факт совершения потерпевшим самоубийства или покушения на него может привлечь изменение квалификации деяния. При этом в ко-

личественном выражении такие предписания, имеющие скрытый, невидимый на первый взгляд потенциал в области противодействия суицидальному поведению, оказываются даже более распространёнными, нежели специально-антисуицидальные нормы, что явно свидетельствует о необходимости их более пристального рассмотрения.

Обзор литературы

Согласно ранее проведенным исследованиям [1], система антисуицидальных средств УК РФ не исчерпывается одними только статьями 110-110², а включает в себя и иные статьи, в которых суицид потерпевшего хотя прямо и не упоминается, но влияет на уголовно-правовую квалификацию содеянного виновным. Объединяющей особенностью подобных составов преступлений является наличие у них специфического дополнительного непосредственного объекта – самостоятельность

распоряжения жизнью, – что и позволяет выделять и рассматривать их как отдельную группу правовых норм [1, с. 61]. Составы такого рода не включают суицидальный акт в качестве обязательного конструктивного элемента, но при определённых обстоятельствах конкретного дела (казуса) факт самоубийства или покушения на него может влечь изменение юридической оценки содеянного. В связи с этим нормы, относящиеся к данной группе, предложено именовать казуальными [1, с. 60].

Как правило, авторы исследований в области уголовно-правового противодействия суициду фокусируют всё своё внимание исключительно на специальных составах, предусмотренных статьями 110-110² УК РФ, не упоминая об антисуицидальном потенциале иных норм. В отдельных работах упоминается о скрытом присутствии суицида в понятии «тяжкие последствия». Так, в контексте дифференциации уголовной ответственности в случае самоубийства потерпевшего об этом упоминает М.Н. Каплин [2, с. 111], однако достаточно полного развития данная мысль не получила. А.В. Шумкина включила составы, предполагающие квалифицирующий признак тяжких последствий, в «систему преступлений, сопряжённых с доведением до самоубийства» [3, с. 211], однако вопросы, связанные с особенностями квалификации таких преступлений, ею также не поднимались. Также следует отметить, что в ранее изданных работах по данной тематике антисуицидальное значение норм Общей части УК РФ вовсе не подлежало исследованию, хотя они тоже могут влиять на квалификацию деяния, связанного с совершением самоубийства.

Столь малая степень изученности казуальных антисуицидальных средств противодействия суицидальному поведению с очевидностью свидетельствует о необходимости их более пристального рассмотрения.

Материалы и методы

В ходе исследования применены общенаучные и специально-юридические методы познания, в частности, формально-догматический, системный, логический. Материалами для исследования послужили нормативные акты, акты судебного толкования, решения судов по конкретным делам, исследования правоведов, а также результаты анкетирования 594 практических работников в области уголовного права (преимущественно прокурорских работников и сотрудников органов предварительного расследования – 290 и 261 соответственно).

Результаты исследования

Отдельные антисуицидальные средства казуального типа можно обнаружить уже в Общей части УК РФ.

Так, в одном из обзоров практики Верховного Суда Российской Федерации¹ приводится следующий случай. В. получил тяжёлую травму позвоночника, в связи с чем стал высказывать мысли о самоубийстве. Его жена попросила Е. на время забрать хранившееся в доме охотничье ружьё, чтобы лишить мужа возможности воспользоваться им для самоубийства. Согласившегося Е. суд признал виновным в незаконном приобретении и хранении оружия и патронов к нему, осудив по части 1 статьи 222 УК РФ. Однако судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ с такой квалификацией не согласилась и прекратила уголовное дело в отношении Е. в связи с отсутствием состава преступления. В обоснование данного решения надзорная инстанция сослалась на норму, закреплённую в части 2 статьи 14 УК РФ. По мнению судебной коллегии, малозначительность деяния в данном случае проявилась в том, что Е. имел своей целью не приобрести оружие и патроны для себя, а пытался предотвратить самоубийство В., в результате чего его действия не представляли опасности для общества и не создавали угрозы причинения вреда личности, обществу или государству.

Из приведённой позиции следует, что предотвращение самоубийства можно расценивать в качестве общественно полезной цели, достижение которой оправдывает совершение деяний, которые при иных обстоятельствах считались бы преступными.

Помимо основания для признания совершённого деяния малозначительным, предотвращение самоубийства может служить и достаточным основанием для исключения преступности деяния. Так, вполне очевидной является возможность использования для этих целей норм статьи 39 УК РФ о крайней необходимости, под которой закон понимает, в том числе, устранение опасности, непосредственно угрожающей охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами. Хотя в открытом доступе найти примеров такого применения судами статьи 39 не удалось, гипотетическая возможность отказа от уголовного преследования лица, нанёсшего побои, или, например, связавшего другое лицо, чтобы удержать его от суицида, не вызывает сомне-

¹ Обзор надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2000 год // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. № 9. URL: <https://vsrf.ru/files/10785/> (дата обращения: 11.10.2024).

ний. Аналогичного мнения придерживается 73,2% опрошенных практических работников. Кроме того, 65,5% респондентов посчитали целесообразным дополнить Общую часть УК РФ ещё и специальной нормой, предусматривающей исключение уголовной ответственности в случае причинения вреда в целях предотвращения самоубийства.

Впрочем, наибольший интерес при обсуждении казуальных средств противодействия суицидальному поведению вызывает возможность учёта совершения потерпевшим самоубийства или покушения на него в качестве тяжких последствий преступления, поскольку данный признак в большом числе статей УК РФ назван в качестве квалифицирующего. Помимо этого, наступление тяжких последствий в результате совершения преступления отнесено пунктом «б» части 1 статьи 63 УК РФ к числу отягчающих обстоятельств, а значит, теоретически может быть учтено судом при индивидуализации наказания за любое преступление даже в отсутствие соответствующего квалифицирующего признака в конкретной статье Особенной части УК РФ.

Содержание понятия «тяжкие последствия» неоднократно раскрывалось в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации применительно к отдельным составам преступлений, причём одним из примеров таких последствий регулярно называется самоубийство или покушение потерпевшего на самоубийство. Актуальные на сегодняшний день разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащие такое толкование тяжких последствий преступления, можно найти в следующих постановлениях:

- от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (пункт 28);

- от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (пункт 21);

- от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (пункт 13);

- от 28 июня 2022 года № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» (пункт 6);

- от 18 мая 2023 года № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» (пункт 36).

Следует заметить, что предложенное понимание тяжких последствий не ново – ранее аналогичный подход имел место и при толковании некоторых норм УК РСФСР. Так, в пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25.03.1964 № 2 «О судебной практике по делам об изнасиловании» самоубийство потерпевшей было названо в качестве примера особо тяжких последствий, являющихся основанием для оценки содеянного по квалифицированному составу изнасилования. В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.05.1990 № 3 «О судебной практике по делам о вымогательстве» можно встретить даже более широкое понимание данного признака: под иными тяжкими последствиями, предусматривавшимися частью 4 статьи 148 УК РСФСР, здесь среди прочего предлагалось понимать самоубийство не только потерпевшего, но и его близких.

В перечисленных выше постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации самоубийство или попытка самоубийства чаще всего просто называются в качестве примера тяжких последствий совершённого преступления наряду с иными возможными проявлениями данного признака. В этом плане особняком стоит постановление от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», где Пленум также дал разъяснение о том, необходима ли дополнительная квалификация деяний, предусмотренных статьями 333-335 УК РФ и повлёкших тяжкие последствия в виде самоубийства потерпевшего или покушения на него, по статьям о преступлениях против жизни и здоровья. Отвечая на этот вопрос, Пленум указывает, что по общему правилу квалификации по совокупности не требуется, что вполне соответствует правилам квалификации преступлений при конкуренции целого и части – раз суицид сам по себе является тяжким последствием преступления, значит, он охватывается квалифицированными составами, предусмотренными в соответствующих статьях.

Однако далее Верховный Суд Российской Федерации оговаривается, что у данного правила есть и исключение: если в деянии содержатся квалифицирующие признаки, предусмотренные частью 2 статьи 110 УК РФ, то содеянное подлежит квалификации по совокупности со ссылкой на соответствующую норму. Мотивы такого решения понятны: квалифицированные составы доведения до самоубийства предусматривают ряд признаков, которые законодатель расценивает как существенно повышающие общественную

опасность содеянного; вместе с тем эти признаки, если судить по санкциям, установленным для пунктов «в» части 2 статей 333 и 334, а также части 3 статьи 335 УК РФ, не учитываются в рамках причинения тяжких последствий при совершении соответствующих преступлений.

Тем не менее обращает на себя внимание следующее. Пунктом «г» части 2 статьи 110 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак доведения до самоубийства группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. В то же время в статьях 333 и 334 признак совершения преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой помещён законодателем в пределах одной части с признаком причинения тяжких последствий, а в статье 335 групповое совершение преступления (пункт «в» части 2) и вовсе поглощается признаком наступления тяжких последствий (часть 3). То же можно сказать и о признаке совершения преступления в отношении двух и более лиц (ср. пункт «в» части 2 статьи 110 и пункт «б» части 2, часть 3 статьи 335 УК РФ). Всё это свидетельствует, что степень общественной опасности квалифицирующих признаков, указанных в части 2 статьи 110, фактически не превышает таковую для признака причинения тяжких последствий в анализируемых воинских преступлениях; отсутствие же в соответствующих статьях некоторых квалифицирующих признаков продиктовано их малой распространённостью при совершении воинских преступлений (самоубийство несовершеннолетнего, беременной женщины или совершение преступления с использованием Интернета) или наличием специальных норм (в случае совершения преступления в отношении подчинённого лица).

Таким образом, можно сделать вывод, что при пенализации квалифицированных составов доведения до самоубийства законодателем была допущена ошибка, приводящая к коллизии при квалификации иных преступлений, при совершении которых наступили тяжкие последствия в виде суицида потерпевшего. В связи с этим полагаем, внесение изменений в статью 110 УК РФ в части снижения сроков лишения свободы, предусмотренных санкцией соответствующей нормы, представляется обоснованным.

Отмеченное применимо не только к статьям 333, 335, но и к другим статьям УК РФ, предусматривающим наступление тяжких последствий в качестве квалифицирующего признака – анало-

гичная коллизия возникает в случае самоубийства потерпевшего от преступлений, предусмотренных, к примеру, статьями 127, 286, 303 и др.

В случае когда преступление повлекло самоубийство и соответствующая статья УК РФ содержит квалифицирующие признаки как в виде наступления смерти потерпевшего, так и в виде иных тяжких последствий, выбор правильного признака может оказаться неочевидным. Данный вопрос становится особенно актуальным, когда квалификация существенно влияет на размер наказания, как, например, при выборе между пунктом «б» части 3 и пунктом «а» части 4 статьи 131. Помимо этого, в некоторых статьях объективная сторона квалифицированного состава предусматривает альтернативные признаки в виде смерти потерпевшего и иных тяжких последствий в разных подпунктах одного пункта (как, например, в статьях 127, 206, 230 и др.).

В подобных случаях представляется верной позиция, занятая Верховным Судом Российской Федерации по делу об изнасиловании, в результате которого потерпевшая выбросилась с балкона. В кассационном определении Верховный Суд Российской Федерации указал, что признак наступления смерти предполагает её причинение непосредственно во время изнасилования или ввиду обострения заболевания, тогда как самоубийство, последовавшее в результате изнасилования, должно рассматриваться как иные тяжкие последствия¹. Данный подход был подтверждён в пункте 13 постановления Пленума от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», где самоубийство потерпевшей названо именно тяжким последствием изнасилования и насильственных действий сексуального характера.

По нашему мнению, некорректно уравнивать смерть, непосредственно связанную с процессом преступного посягательства, и смерть в результате самоубийства, пусть и совершённого в связи с преступлением, но всё-таки опосредованную решением и действиями потерпевшего, на которые виновный мог не только не иметь влияния, но и вовсе не подозревать о них.

Сложнее разграничить эти признаки в тех ситуациях, когда потерпевший совершает самоубийство не в результате, а непосредственно в процессе посягательства. В качестве примера можно привести дело С.², который познакомился в магазине с Ф., пригласил её в квартиру для

¹ Определение № 31-098-35 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 1998 года. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.11.2024).

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Татарстан от

совместного распития спиртных напитков, после чего закрыл входную дверь и спрятал ключ, тем самым незаконно лишив потерпевшую свободы. После этого С. стал против воли Ф. гладить её по различным, в том числе интимным, частям тела, совершать действия, направленные на понуждение к сексуальным отношениям. Как установлено в приговоре, будучи лишённой возможности выйти из квартиры, понимая безуспешность действий против сексуальных домогательств, в целях прекращения совершаемых в отношении неё действий, Ф. покончила с собой, выбросившись из окна. Судом содеянное С. было квалифицировано по части 3 статьи 127 УК РФ как незаконное лишение свободы, не связанное с похищением и повлёкшее по неосторожности иные тяжкие последствия, выразившиеся в самоубийстве потерпевшей.

Представляется необходимым обратить внимание на то, что в приведённых обстоятельствах отношения между С. и Ф. носили недобровольный характер; лишая потерпевшую свободы и господствуя над ней, виновный на время совершения преступления фактически нёс ответственность за судьбу Ф. В связи с этим более корректно расценивать её гибель именно как смерть потерпевшей, находящуюся в пределах контроля виновного, а не просто иное тяжкое последствие преступления.

В качестве возможного возражения против такого толкования можно привести позицию Л.В. Лобановой и Л.Н. Ларионовой, высказанную в контексте обсуждения уголовно-правовой квалификации случаев гибели женщины, пытающейся спастись от изнасилования: «Так же, как и самоубийство – пишут они, – подобная гибель опосредована действиями самой потерпевшей, поэтому также, как и оно, не должна ставиться на одну доску со смертью, вызванной непосредственно действиями, входящими в объективную сторону изнасилования» [4, с. 43]. Данный аргумент, с одной стороны, представляется вполне логичным, однако эту же логику можно применить и в обратную сторону: несправедливо уравнивать самоубийство потерпевшей, совершённое в непосредственном присутствии виновного с целью избежать или прекратить совершаемое посягательство, и самоубийство, совершённое по прошествии некоторого, возможно длительного, времени, когда какое-либо воздействие на жертву уже прекращено и суицид становится следстви-

ем гораздо более продолжительных и неочевидных психических процессов. Стоит отметить, что большинство опрошенных практических работников (43,6%) посчитали подходящей квалификацию подобных случаев именно как преступления, повлёкшего смерть потерпевшего, тогда как в качестве тяжких последствий преступления гибель потерпевшего расценивает меньшинство (28,1%). Оставшиеся 28,3% респондентов и вовсе посчитали применение квалифицированного состава избыточным.

Впрочем, следует признать, что однозначное и объективное решение этой дилеммы вряд ли существует, поэтому для приведения практики к единообразию данный вопрос необходимо решить на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В случаях когда совершение преступления повлекло попытку самоубийства, не удавшуюся по не зависящим от потерпевшего обстоятельствам, содеянное также подлежит квалификации с указанием на признак наступления тяжких последствий. Следует признать верной точку зрения, выраженную по этому поводу Верховным Судом Российской Федерации в одном из обзоров судебной практики¹, где прямо высказывается позиция о том, что не имеет значения, повлекло ли покушение на самоубийство какой-либо вред для здоровья потерпевшего: «В данном случае попытка самоубийства сама по себе свидетельствует о том, что потерпевший доведен до крайней степени отчаяния и вынужден прибегнуть к такой мере, как лишение себя жизни».

Менее однозначно обстоит вопрос с оценкой по квалифицированному составу преступления случаев, когда судом установлено, что попытка суицида изначально предпринималась без реального намерения уйти из жизни. Особенно распространены подобные обстоятельства в делах, связанных с неуставными взаимоотношениями в вооружённых силах, когда причинение себе повреждений выступает способом протеста и привлечения внимания к насилию, совершаемому по отношению к потерпевшему.

В указанном обзоре судебной практики приводится следующий пример. За упущения по службе Б. в течение длительного времени избивал рядового С., в результате чего последний нанёс себе порезы предплечий обеих рук. Органами предварительного следствия действия Б. были квалифицированы, в том числе, по пункту

17.11.2020 по делу № 22-8343. ГАС «Правосудие» (дата обращения: 06.11.2024).

¹ Обзор судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.11.2024).

«а» части 3 статьи 286 УК РФ, однако военный суд гарнизона признак причинения тяжких последствий из обвинения исключил, указав, что причинение потерпевшим себе ран было вызвано не стремлением покончить с собой, а желанием привлечь внимание командования. По мнению Верховного Суда Российской Федерации, такая оценка является ошибочной, поскольку «...это последствие само по себе следует признать тяжким».

Хотя итоговый вывод о необходимости квалификации попытки самоубийства в качестве тяжкого последствия преступления является верным, его аргументация представляется не совсем правильной. В приведённой выше и иных аналогичных ситуациях данное поведение является, скорее, симптомом такого отчаяния и безысходности, при котором потерпевший не видит иного выхода из сложившейся ситуации помимо демонстративного самоповреждения. Следовательно, тяжкое последствие заключается не в самом по себе акте парасуицида, а в том, что, совершая преступление, виновный создаёт своими действиями такую обстановку, в которой потерпевший не видит иного выхода, кроме как нанесение себе телесных повреждений (что, по сути, и роднит имитацию суицида с суицидом истинным). Такой перенос акцентов при толковании признака тяжких последствий применительно к случаям показательного самоповреждения позволяет снять проблему возможности потерпевшего своими действиями влиять на квалификацию совершённого в отношении него преступления.

Основной проблемой при уголовно-правовой оценке суицидального акта, предпринятого потерпевшим вследствие совершённого в отношении него преступного деяния, является нетипичность данного последствия, его отдалённость от посягательства и обязательная опосредованность действиями самой жертвы. Перечисленные особенности зачастую вынуждают ставить под вопрос соблюдения принципа вины и наличия причинной связи между суицидом и предшествующим преступлением.

Примером может послужить дело К. о небрежном хранении оружия, повлёкшем самоубийство¹. Согласно материалам дела, военнослужащий РВСН К., являясь старшим машины, при возвращении колонны специальной военной автомобильной техники во время остановки на 5-6 минут покинул кабину, оставив закреплённый за ним пистолет с патронами к нему. За это вре-

мя, воспользовавшись бесконтрольно оставленным оружием, водитель – военнослужащий по призыву Г. – покончил с собой. При этом судом было установлено, что К. и Г. находились в равных служебных отношениях, неприязни между ними не было.

Характерной чертой здесь является то, что действия виновного никак не повлияли на само решение о самоубийстве, принятое потерпевшим самостоятельно и независимо, пусть даже для реализации замысла они и воспользовались чужой неосторожностью. Учитывая, что в отношении потерпевшего не совершалось каких-либо действий, характерных для доведения до самоубийства, а также принимая во внимание, что суицид не является сколько-нибудь типичным поведением в приведённых обстоятельствах, едва ли можно говорить о реальной возможности предвидеть наступившие последствия – по большому счёту, они стали результатом не действий преступника, а психических процессов, автономно протекавших в сознании потерпевшего, и нет оснований полагать, что реализация принятого решения была бы исключена в отсутствие обстоятельств, созданных обвиняемыми. Из аналогичной логики исходит и действующий уголовный закон, не признающий возможности неумышленного пособничества в совершении преступления. По этой причине не кажется удивительным, что большинство практических работников (63,8% опрошенных) отказываются считать суицид тяжким последствием преступления, если виновный не оказывал на потерпевшего противоправного воздействия, а лишь по неосторожности создал условия для совершения самоубийства.

С учётом изложенного представляется необходимым в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, раскрывающих смысл понятия «тяжкие последствия», использовать формулировку не «самоубийство потерпевшего», а «принятие потерпевшим решения о самоубийстве».

Обсуждение и заключение

Подводя итог изложенному, целесообразно сформулировать ряд выводов.

1. Казуальные средства противодействия суицидальному поведению имеют место как в Общей части (позволяя исключить возможность привлечения к уголовной ответственности или, напротив, отягчить наказание за совершение любого деяния, преступность которого предусмотрена в

¹ Постановление 95 гарнизонного военного суда о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа от 17.10.2018 по делу № 1-34/2018. ГАС «Правосудие» (дата обращения: 06.11.2024).

уголовном законе), так и в Особенной части УК РФ (здесь они приобретают форму квалифицирующего признака состава преступления, усиливая ответственность в случае совершения потерпевшим суицидального акта).

2. В судебной практике устоялось понимание самоубийства или попытки его совершения потерпевшим как одного из возможных проявлений признака наступления тяжких последствий, что находит отражение и в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Вместе с тем эти постановления требуют усовершенствования в части:

- корректировки используемой терминологии («принятие потерпевшим решения о самоубийстве» вместо «самоубийства», «попытка самоубийства» вместо «покушения на самоубийство»);

- решения вопроса о квалификации деяния, повлекшего самоубийство, при конкуренции признаков «смерть потерпевшего» и «самоубийство потерпевшего».

3. Излишняя суровость наказания за совершение квалифицированных видов доведения до самоубийства приводит к коллизиям при квалификации иных преступлений, в результате которых наступило тяжкое последствие в виде самоубий-

ства потерпевшего. В связи с этим необходимо смягчение санкции части 2 статьи 110 УК РФ.

4. В случае демонстративной попытки самоубийства без твёрдого намерения уйти из жизни в качестве тяжкого последствия следует расценивать не саму такую попытку, а создание у потерпевшего ощущения безвыходности ситуации, сложившейся в результате совершённых в отношении него преступных действий.

5. Если решение о самоубийстве принято потерпевшим самостоятельно и действия виновного лишь создали возможность реализовать задуманное, то содеянное должно квалифицироваться по основному составу, без вменения признака наступления тяжких последствий, поскольку в противном случае нарушается принцип субъективного вменения. Исключением могут быть ситуации, когда самоубийство совершено малолетним или недееспособным лицом, либо суицид был предсказуем исходя из предшествующего поведения потерпевшего.

6. В целом по делам о преступлениях, в результате которых совершён суицидальный акт, судам следует обращать особое внимание на установление вины обвиняемого и причинной связи между его действиями и самоубийством потерпевшего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Велиев А.Э. Средства противодействия суицидальному поведению в уголовном праве России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 57 – 62. DOI: <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.90.35.007>
2. Каплин М.Н. Самоубийство потерпевшего и дифференциация уголовной ответственности // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2020. № 9. С. 108-117.
3. Шумкина А.В. Об определении авторской модели системы преступлений, сопряженных с доведением до самоубийства в уголовном законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2. С. 208-212.
4. Лобанова Л.В., Ларионова Л.Н. Содержание квалифицирующего признака «Иные тяжкие последствия изнасилования» в интерпретации Пленума Верховного суда РФ // Legal Concept. 2016. № 2. С. 41-48.

REFERENCES

1. Veliev A.E. Sredstva protivodejstviya suicidal'nomu povedeniyu v ugovlovnom prave Rossii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 4. S. 57-62. DOI: <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.90.35.007>
2. Kaplin M.N. Samoubijstvo poterpevshego i differenciaciya ugovlovnoj otvetstvennosti // Aktual'nye problemy ugovlnogo prava na sovremennom etape (voprosy differenciacii otvetstvennosti i zakonodatel'noj tekhniki). 2020. № 9. S. 108-117.
3. Shumkina A.V. Ob opredelenii avtorskoj modeli sistemy prestuplenij, sopryazhennyh s dovedeniem do samoubijstva v ugovlovnom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2021. № 2. S. 208-212.
4. Lobanova L.V., Larionova L.N. Soderzhanie kvalificiruyushchego priznaka «Inye tyazhkie posledstviya iznasilovaniya» v interpretacii Plenuma Verhovnogo suda RF // Legal Concept. 2016. № 2. S. 41-48.

Информация об авторе:

Велиев Артем Эрнестович, соискатель кафедры уголовного права Волгоградского государственного университета, ORCID: 0000-0003-3548-6461, aeveliev@ya.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Veliev Artem E., applicant at the Criminal Law Department of Volgograd State University, ORCID: 0000-0003-3548-6461, aeveliev@ya.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 27.10.2024.

Статья принята к публикации: 24.12.2024.

Статья опубликована онлайн: 24.12.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.